

Наталья Ивановна Баранова родилась в Тамбове. Окончила Московский государственный институт культуры. Многие годы работала заведующей библиотекой. Публиковалась в журналах и литературных сборниках в Тамбове и Москве, в журнале «Подъём». Автор рассказов и сказок в литературных сборниках «Радуга над Цной». Член Тамбовского фотографического общества. Выставки ее фотографий проходили в Москве, Звездном городке, Вологодске, Мичуринске, Тамбове, а также в Израиле. Член Союза писателей России. Живет в Тамбове.

Наталья Баранова

СВЕТ В ДОМЕ НАПРОТИВ

Рассказы

По обоим берегам реки раскинулись два села — Кулебяково и Пески. Хотя нет, Пески на село не тянуло: даже в свои самые расцветные годы это была деревня. А Кулебяково — дворов на триста, растянулось на четыре километра на левом берегу. Все здесь было: и свет, и газ, а по центральной улице, которая была одна, асфальт пролег аж до самой трассы на областной центр. Пескам повезло меньше, если не сказать, что совсем не повезло. Они расположились на правом, самом живописном берегу реки, но что толку от этой живописи, если добраться до магазина-цивилизации можно двумя путями, и оба непреодолимой силы: через реку или в объезд лесом — кругалая не один десяток километров. Летом еще туда-сюда, а вот ранней осенью и с началом зимы — пока река не замерзнет окончательно — ждать приходилось несколько недель, чтобы сходить за хлебом. На эти несколько недель запасались провизией заранее. Домов здесь было немного — штук двадцать, а жителей осталось сильно меньше — трое. Молодежь подросла и уехала в поисках цивилизации: кто побойчее и расторопнее — в областной центр, многие смогли добраться и до Москвы. А остальные не преодолели притяжения ма-

лой родины и осели на левом берегу в Кулебяково. Из удобств, которыми пользовались во всем мире, в Песках было только свет. Остальные — дрова в лесу, туалет в саду, огород соток на сорок сразу за садом. Земли вокруг много — бери, сколько хочешь. Но никто ее брать не хотел. Как говорил дед Семен: «В гражданскую за нее с кровью пластались, глотку друг другу рвали, а теперь только собаки бегают, серюют. Никому не нужна земляца, политая кровью».

Сначала деревня состарилась, а потом померла. И остались на живописном левом берегу только Митрич с Полканом, Семен с Нюрой и короной Ласточкой.

В этот год зима не спешила — уже и декабрь к концу, а ни снегов больших, ни сильных морозов не было. Река никак не могла замерзнуть до пешеходного состояния. Если смотреть на деревню издали, то казалось, что она вымерла. Но нет, два крайних дома дымили печными трубами.

— Ну что, Нюра, какое будет наше решение? Здесь будем зиму зимовать или к зятю на постой переберемся? — Семен в стареньких подшитых валенках сидел на скамеечке возле печки и подкидывал березовые чурочки в огонь. С утра на кухне прохладно, он подзадержался с растопкой печи. Хозяином в доме был Семен, но последнее слово всегда оставалось за Нюрой. Так сложилось за долгие годы — жена не перечила, а муж был с ней согласен.

— Да что ты все об одном и том же. Решили уже — река встанет, переберемся к дочери в Кулебяково. Давно ведь звала. Дом большой, всем места хватит. А там глядишь — понравится, и останемся жить насовсем. И опять же, с печкой не возиться. Газ в доме. Хочешь, сделай газку погромче, хочешь — потише. Все в твоей власти. И магазин рядом — хлебушек свежий два раза в неделю, а не как сейчас — раз в месяц купим, сначала свежий, а потом сухари жуем.

— Магазин — это хорошо... — мечтательно улыбаясь, протянул Семен, соображая о чем-то своем. Жена строго посмотрела, и он осекся. Они поняли друг друга с полувзгляда. Давно живут, и ни одна потаенная мысль не может проскочить незамеченной.

Нюра только что подоила корову и разливала молоко по банкам — процеживала через марлю. Молока было много: вдвоем пить — не выпить. Летом дачники помогали — у ворот очередь стояла после каждой дойки, а как осень — масло и творог в деревню возили: сначала на лодке через реку, потом полем километров пять до Кулебяково. А зимой хоть криком кричи — молоко девать некуда. Кругом снега, и по полю с банками много не набегашь.

— А с коровой-то что делать будем? Ее куда? — Семен чуть продвинул кочергой прогоревшие дрова в печи и засунул в топку еще один полешек.

— И корове место найдется. Полный двор сараев. А сена еще от дочкиной Буренки осталось. Хорошая корова была, да молодежь сейчас не приучена скотину держать. Жаль, продали. Так что до весны прокормим. И ей хорошо, а нам еще лучше. Молоко продавать будем, маслице. Все покупатели на месте, не надо через реку возить, сами на дом придут.

В сенцах стукнуло, заскрипели половицы, потом раздались чертыханье — кто-то в темноте пытался найти ручку на двери.

— Вы чего без света сидите? Чуть лоб не расшиб в темноте. — В комнату вошел Митрич, пошаркал о половичок валенками, прошел к столу. — Гостей не ждете?

— Гостей не ждем, а соседям всегда рады, — Нюра налила парного молока в кружку и протянула Митричу. — Ты нынче на речке был? Чего там со льдом, замерзла?

— Ровно половина. Еще недельки две морозов, и можете отправляться в странствие в поисках счастья на земле в виде газа, света и магазина через дорогу. Не передумали?

— Вот сидим думаем, но не передумали, — сказал Семен.

— А чего так долго думали? Надо было еще по теплу отплывать. Корову к лодке привязал, пять минут — и все чады и домочадцы на том берегу. А теперь что? Тащи ее через все поле по морозу, пока добредете, она либо сиськи отморозит, либо чихать начнет.

— Хватит балагурить, — сердито сказала Нюра. — Тебе легко рассуждать, сидя на пороге дома. А ты вот попробуй бросить все да и податься незнамо куда... Тут ведь каждый гвоздь, каждая доска своими руками прибитая, каждый уголок родной...

— Чего ты, мать, причитаешь. Как это незнамо куда? К детям переезжаем... тьфу, переплываем. Поживем, пообвыкнем, и там все доски родными станут.

— Детям мешать — последнее дело. Старики, сколько могут, должны жить отдельно. — Митрич пил молоко и в шутку морщился. — Хорошее молоко, жирное, душистое, но много не выпьешь, это тебе не водка, — сказал он и протянул кружку Нюре, как бы прося налить еще.

— А зачем мешать? Дом большой, на два входа — ни они нам, ни мы им мешать не будем. Дом строили для двух детей, но дочка с зятем тут остались, а сынок в Москву подался. Там, видать, соль солонее да сахар слаще. Вот его половина и пустует, нас ждет. — Нюра наполнила кружку Митричу и понесла банки с молоком в сенцы. С началом зимы там было прохладно, и она отключала холодильник. Не большая, но все ж таки экономия.

— Так, расклад я понял. Отходную когда собирать будете? На Руси так повелось — в дальнюю дорогу надо провожать с песнями и плясками, иначе дорога не будет скатертью и прирастание к новому месту вызовет трудности. Гармонь не обещаю, но спеть могу, вы только стол накройте да чарочку на пошонок налейте.

— Знаю я твою чарочку, потом неделю будете провожаться, а то и две, пока не закончится все, что горит. — Нюра сердито гремела ведром, обмывая его от молока.

— Анна Васильна, ты чего серчаешь, я ж пошутил...

— Тут шути не шути, но обычай блюди! — радостно поддержал Семен.

— Без обычаев справимся. — Нюра строго посмотрела на него. — Нам бы только реку перейти, а там зять на машине встретит — снегу мало, проехать по полю можно, без отходной доберемся.

Через две недели, как и обещал Митрич, река окончательно встала. Подождав для верности еще неделю, чтобы лед мог выдержать шествие из трех человек, санок с узлами и коровы, Нюра с Семеном двинулись на новое место жительства в поисках цивилизации — света, газа и свежего хлеба. Процессия растянулась. Первым бежал Полкан, затем мужики тянули санки, замыкала шествие Нюра с Ласточкой. Зять уже ждал на левом берегу. Вещи и Нюру погрузили в машину и тронулись, а Семен с коровой пошел следом.

Полкан долго бежал за ними, громко лая, стараясь с собачьими почестями проводить Ласточку.

— Молодец, Полкан, достойно проводил подружку, — Митрич ласково потрепал собаку, когда она вернулась. — Жаль, остались мы без молока... ты да я... Но вот помани мое слово, не задержатся они там, а уж магазин через дорогу — это совсем пагубное дело... никакой пенсии и никакого здоровья не хватит. Ну, ты меня понимаешь?

Полкан опустил хвост: наверное, понял.

Домой пошли не сразу. Сначала побрели вниз по реке до того места, где все лето лагерем стояли рыбаки, побродили между брошенных домиков-шалашей, сделанных на скорую руку. И тут было запустение и тоска. До лета, когда здесь все оживет и можно будет приплыть к мужикам в гости, пообщаться, еще далеко. Собака и Митрич оттягивали возвращение в дом, где их никто не ждал. Странное дело: их давно уже никто не ждал, но такого острого чувства одиночества не было. Они всегда знали, что по соседству есть люди, к которым можно прийти, поговорить, и тебе не откажут ни в хлебе, ни в соли, ни в стопочке, ни в разговоре за жизнь. Митрич не задумывался, как выглядит одиночество, но теперь понял: это когда смотришь в окно, а из трубы дома Семена и Нюры дым не идет — и ни единого огонька вокруг. Войдя в комнату, он первым делом задернул занавески, чтобы не видеть черные провалы окон в соседнем доме.

Начались короткие зимние дни, которые тянулись бесконечно. Каждый новый день был похож на предыдущий. Выручала рыбалка и разговоры с Полканом. И всегда беседы начинались одинаково:

— Спорим, Полкан, что Анна Васильна там долго не выдержит? Женщины, они, конечно, выносливее мужчин, но слабее. Нервами. Если тебе интересно мое мнение, то она первой не вытерпит магазина через дорогу. Или ты думаешь, у Семена здоровья не хватит пользоваться благами цивилизации? Чего молчишь и смотришь? Мигни хоть...

Полкан молчал и только стучал хвостом по полу.

Но все когда-нибудь заканчивается. Закончилась как никогда долгая зима. А весной всегда легче: дни становились длиннее, лес в конце огорода зазеленел, птицы весело гомонили в саду. Старый Полкан частенько отсутствовал дома — бегал по округе, гонял зайцев, радовался теплу. На майские праздники зацвела черемуха, а потом и сады в пустующей деревне оделись в белый пахучий наряд.

Митрич любил это время года. Красоту рассветов на реке не закрывали листья, и дурманящий запах цветущих деревьев плыл над рекой вместе с туманами. Он просыпался еще засветло и шел на рыбалку, но не так уж и нужна была рыба. Ему хотелось видеть, как зарождается новый день: поют птицы и громче всех соловьи; молочный туман разливается по реке и по мере того, как поднимается солнце, окрашивается в оранжевый цвет. Он родился, вырос и прожил жизнь на этой реке, но каждый раз удивлялся красоте раннего утра, как будто видел это впервые.

Сегодня река встретила его особенно сильным туманом.

— Ты посмотри, Полкаша: туман как молоко — даже поплавка не увидим. — Митрич вставил весла в уключины, оттолкнулся веслом от берега. Собака запрыгнула в лодку и приготовилась к длительному ожиданию. Ей было не привыкать — так начиналось каждое утро.

— Нет, собакен, сегодня мы не поплывем на наше прикормленное место — далекоовато, чую, сил не хватит грести потом против течения. А если рыбы не будет, то ничего страшного — ты ее не ешь, а я ее с детства объелся. Раньше Нюра выручала, ей отдавал. Она для Семена жарила, а

тот все шутил... мол, уже в темноте от фосфора светится. А помнишь, мы в прошлом году наловили рыбы, а она вся с икрой, так Нюра меня ругала и два дня не разговаривала. А для меня гнев Нюры страшнее всякого рыбнадзора.

Собака, которая не успела устроиться на дне лодки, начала беспокоиться. Она привстала и зарычала. Сквозь туман еле заметно просматривался противоположный берег, где проступало большое темное пятно. Митрич еще ничего не понял, а Полкан уже радостно заливался лаем. На берегу стояла корова Ласточка, потом из тумана появились Семен и Нюра.

— Эй, сосед! Ты сегодня чего-то припозднился! Мы уж все жданки съели, пока тебя дождалась! — Семен в приветствии махал фуражкой.

— Привет беженцам от цивилизации! — закричал Митрич и, быстро развернув лодку, погреб к противоположному берегу. — Это не мы припозднились, а вы раненко объявились. У нас с Полкашей все строго по расписанию, и в нем гостей не предусмотрено. Мы вас через месяц ждали, когда вода теплее будет. Ласточка ж корова, а не морж.

— Давай, гребь уже, мы замерзли, дожидаетесь тебя! — кричала Нюра.

— Вот если б ты меня спросил, что такое счастье, — Митрич наклонился, обращаясь к Полкану, — так я б ответил: это когда тебя ждут на том берегу в тумане друзья... Ну, теперь, брат, заживем... у тебя на ужин молоко появится, у Нюры рыба, а у нас с Семеном будет с кем поговорить. Ты не обижайся. И ты хороший собеседник — никогда не перечишь, всегда внимательно выслушаешь, но уж больно малоразговорчивый и без своего мнения, с которым поспорить можно.

В последнем рывке лодка уткнулась в берег. Первым выскочил Полкан, кинулся приветствовать друзей. Он гавкал, Ласточка мычала, Семен кричал что-то приветственное, Нюра смеялась. И эти звуки разносились далеко по реке. Вещей было мало, только два узелка в руках у Нюры и корова.

Митрич не скрывал радости от встречи.

— Я ж предупреждал, — сказал он, — что без проводов не приживетесь на новом месте.

Он сидел на веслах и ждал, пока все погрузятся: собака встала на нос лодки впередсмотрящей, корову привязали к сиденью. Так караваном и поплыли.

— Поздно нам уже приживаться, надо продолжать жить, — Нюра восторженно смотрела на оранжевый туман, который разливался по реке. — Сколько живу, а такой красоты не видела.

— Такую красоту видят только рыбаки да влюбленные, ну, еще рыбнадзор. — Митрич с усилием греб. Его старенькая плоскодонка не привыкла к такому грузу.

— Ты это... заканчивай с рыбалкой, приходи пить молоко. И Полкана не забудь. Нынче у всех праздник — вы нас дождалась, а мы домой вернулись.

— Как же, заканчивай! Теперь-то самая рыбалка и начнется. Вы там поди истосковались без рыбы. Осетров не обещаю, а карасиков к столу привезу.

Они причалили к берегу, Митрич помог Нюре выбраться из лодки:

— А где ж весь скарб? Или решили назад вернуться?

— Какой назад?! Назад больше ни ногой! Зять на днях привезет. Вы-

ходной будет, он и привезет. А мы не могли ждать, так домой захотелось, хоть криком кричи! — сказала Нюра.

— Так это вы кричали? Я каждое утро слышал крики с той стороны! — рассмеялся Митрич.

— Тебе бы все смеяться, а тут не до смеха, — ответил Семен. — купишь бутылочку, а поделиться не с кем. Так и употребишь в одно лицо. То есть в одну печень... Вот она и не выдержала.

— Кто? Печень?

— Да нет же... Нюра. Но последней каплей стал счет за газ. Всю зиму почтальонка квитанции в почтовый ящик кидала. Мы тех квитанций и в глаза не видели — дочь с зятем перехватывали. А в последний раз Нюра ее возле ворот встретила. Так сказать, из рук в руки... извольте платить по счетам. И тут открылась тайна нашего финансового благополучия в размере трех тысяч за газ, тыща за свет, ну и, сам понимаешь, почти каждый день свежий хлеб и песни для души.

— Каждый день до песен? Представляю, Нюра, как тебе трудно было — у него ж ни слуха, ни голоса, — рассмеялся Митрич.

— Тут не смеяться надо, а плакать! — враз осерчала Нюра.

— Ну ладно, ладно, не серчай. Все уже позади. Почтальонка сюда не доплывет, а петь с Семеном мы будем раз в неделю по выходным и нечасто по праздникам, — рассмеялся Митрич. — Идите домой, обживайтесь на новом месте, а мы с Полканом поплывем, рыбы наловим к ужину. И Ласточку предупредите — сегодня за встречу пьем только молоко, пусть побольше даст.

Нюра с Семеном и Ласточкой пошли через поле к дому, а Митрич с Полканом поплыли на прикормленное место за обещанными карасями.

После ужина, когда караси в сметане были съедены и вечернее молоко Ласточки выпито, прощаясь, Митрич сказал:

— Простите меня, дурака, это я напророчил, что не будет вам счастья на новом месте.

— А все наше счастье здесь, — ответила Нюра. — Но пока счастье выглядит как будни, не поймешь, что оно было — счастье.

— Мы тоже скучали. Правда, Полкан?

Полкан, который лежал у двери, поднял голову и высунул язык. То ли от жары, то ли в радостном приветствии, а может, дразнился.

— Будем считать, что правда, — сказала Нюра.

Вернувшись домой, Митрич прошел к окну и отдернул занавески.

— Иди сюда, Полкаша, глянь. Помнишь, я тебе утром сказал, что счастье — это когда на том берегу в тумане ждут друзья. Оно конечно, хорошо. Но лучше, когда в доме напротив горит свет.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И СИЛА МЫСЛИ

— Чтоб ты, зараза, разбогател!

Слова, сказанные в сердцах, имеют свойство сбываться. На это и рассчитывала Наташка, повторяя их как заклинание каждый раз, когда проходила мимо дома Мишки Пупырышева.

Заниматься бизнесом у нас в стране не запрещено. Есть силы открыть кафе с пирожками навынос — открой. Нет сил и денег потянуть кафе, пеки пирожки дома на кухне и выноси самостоятельно на рынок — торгуй с лотка. Бизнес бывает малый, средний и крупный. У Мишки был во-

нющий и объемный. Он не пирожки пек на кухне, а у КАМАЗов распредвалы крутил на центральной улице поселка. Две машины постоянно стояли на ремонте. Гарь от пирожков пекарь нюхает сам, ну еще его домоладцы, а гарь от КАМАЗов, которым зимой вечно прогревали двигатели, ароматизировала всю улицу. Но больше всех доставалось Наташке, которая жила через забор справа, и Николаю — соседу Мишки слева.

Первой не выдержала Наташка. Встретив жену Мишки на улице возле дома, она пожаловалась:

— Нельзя так травить соседей. Дышать же невозможно!

— Не хочешь, не дыши! — сказала жена и гордо скрылась за калиткой.

«Надо что-то делать», — подумала Наташка и тут же вспомнила не любимого с детства Льва Толстого.

Нет, писатель-то он, конечно, хороший, но в школе его преподавали так, что напрочь отбили всякое желание прочитать четыре тома «Войны и мира». Книгу с тех пор она так и не осилила, но после поездки в Ясную Поляну захотелось узнать о Льве Николаевиче как о человеке. Осталось много воспоминаний о нем, но прочтении которых сложилась ясная картина о том, кто виноват в произошедшей катастрофе 1917 года. Виноват Лев Толстой, который на протяжении всей жизни, с рождением каждого из своих 14 детей, мечтал, чтобы они самостоятельно выносили за собой ночные горшки. А когда графские дети смогут выносить горшки? Только если прислуга взбунтуется. И она взбунтовалась: произошла революция, и графы с графинями, а с ними и бароны с баронессами, и царь с царевнами начали выносить за собой ночные вазы. Вот она — сила мысли! Так одно маленькое, но сильное желание одного великого человека перевернуло жизнь миллионов не только в одной стране, но и во всем мире.

Наташка была не велика, и семья Мишки — это тебе не миллионы, но сила в ее желании появилась. Она всегда появляется, если из года в год нюхать гарь от прогреваемых КАМАЗов.

И Наташка начала тихонечко, но настойчиво желать богатства. Не себе, а Мишке. Два раза в день проходя мимо его дома — на работу и с работы, — она как заклинание шептала:

— Чтоб ты разбогател, зараза!

Первоначально в эту фразу входило только процветание бизнеса, но что толку от процветания, если весь Мишкин бизнес стоит под окнами Наташки. Цвести будет Мишкина семья, а Наташка с Николаем — увядать. Она еще не знала, что свои желания надо формулировать четче, чтобы не было перекоса и ненужных побочных явлений. И побочные явления не заставили себя ждать.

В один из вечеров уже совсем в темноте она возвращалась домой и возле калитки наступила в мазутную лужу своей вчера только купленной правой красивой туфлей.

— Вот зараза! Да когда ж ты уже разбогатеешь?! — Было темно, и Наташка, надеясь, что на улице никого нет и ее никто не видит и не слышит, громко крикнула. Иногда экспрессия в голосе помогает продвинуть исполнение желания.

— Это ты кого ж так осчастливила? — Колька вышел со своего двора и тоже вступил тапком в солярку, которая по всему тротуару чернела большими и малыми пятнами.

— Вот зараза! — чертыхнулся он.

— Да Мишку-паразита имею в виду. Год уже засыпаю и просыпаюсь

с одной мыслью — быстрой бы разбогател и убрался с нашей улицы. Купил бы гараж себе на окраине и там ковырялся в редукторах.

— Так он уже разбогател. Ох и сильно твое желание! Глянь, сегодня окна пластиковые по всему дому вставляли, а завтра придут новый забор городить. Жена хвасталась. Бизнес, говорит, расширяют. Было два КАМАЗа в ремонте, а теперь еще два возьмут. Если так будешь желать, то скоро перед окнами будет стоять автопарк. Надо, чтобы он не просто разбогател, но и расширился далеко за пределами нашего поселка.

Чертыхаясь, Колька скрылся за калиткой.

— Ты внеси коррективы в свое желание, иначе всей улице хана, — крикнул Колька и скрылся в доме.

Мудрый был совет, но Наташка решила, что главное — желать, а там... где-то там, наверху, разберутся и сделают все как надо.

Но ничего нельзя бросать на самотек, особенно мечты. Это она поняла через месяц, когда во дворе Мишки увидела новую машину, а перед своим домом еще два КАМАЗа в ремонте. Это было наглядной картиной, что ее идея работает, но надо срочно вносить коррективы, как просил Николай, иначе Мишкины дети будут учиться в Гарварде, жена купит вторую шубу, а теща по путевке поедет в Эмираты.

И она внесла изменения о расширении Мишкиного бизнеса. Теперь вместо слов «Чтоб ты разбогател, зараза», появилось: «Чтоб ты купил гараж, паразит». И ровно через месяц, возвращаясь с работы домой, она увидела, что машин нет, а Мишка собирает по улице разбросанные запчасти.

— Что случилось, сосед? Неужто разорился?

— Не дождетесь! Наоборот, расширяюсь — гараж купил. Теперь там работать буду. — Мишка начал посыпать песком мазутные лужи.

Из калитки вышел Николай. Неожиданно — с букетом тюльпанов.

— Ты сегодня что-то задержалась. Час жду! — Он протянул Наташке цветы.

— А жена не против, что всю клумбу оборвал, и не для нее, а для соседки? — Она была приятно удивлена. — А какой сегодня праздник?

— А ты догадайся? — Он шагнул на песок, прикрывающий мазутное пятно на тротуаре. — Завтра организуем флешмоб всей улицы — по букету от каждого дома. Если будет мало, то со всего поселка. Это ж надо, какой силищи твои желания. Дружба с тобой дорогого стоит!.. Мишка, — крикнул он соседу, — от тебя цветов не надо, но ты хоть спасибо Наталье скажи — это она тебе гараж подогнала.

— Оно, конечно, спасибо, но маловат гараж, могла бы и побольше расстараться. — Мишка тоже решил пошутить. — Часть машин все равно придется здесь ремонтировать — расширяюсь, и все там не встанут.

Шутка-шуткой, но уже через месяц на улице стояли машины, и солнышко радужными лужами весело блестело на солнце.

— Чего опять-то? Гараж продал? — Возвращаясь с работы, Наталья остановилась возле машины, в которой ковырялся Мишка.

— Нет, я ж говорил — расширяюсь, а гараж маловат оказался — всего на четыре машины. Остальные ставить негде. Теперь хоть разорвись — и здесь придется работать, и там.

«Хоть бы ты разорвался! — в сердцах подумала Наташка и сразу же одернула себя: — Ой, так нельзя!»

Она вспомнила Иоанна Кронштадтского, у которого наипервейшим врагом был Толстой. И он в сентябре 1908 года в дневнике пожелал смер-

ти Льву Николаевичу, а сам помер в декабре этого же года. А Лев Николаевич после болезни выздоровел и еще два года прожил в свое удовольствие.

Невозможно сказать: «Чтоб ты убрался отсюда!» Вдруг он возьмет и уберется. И неизвестно, что получится. Или переедет, а то и помрет. Или сама пострадаешь по примеру Иоанна. Надо что-то кардинально менять в тексте желания. Но осторожно! Очень осторожно... Так, чтобы все осталось живы.

Вечером, глядя из окна на черные контуры машин, Наталья начала подсчитывать Мишкино богатство. В чужой карман стыдно заглядывать, но она решила, что он не чужой, раз тоже приложила усилия к увеличению благосостояния соседей. Итак, первыми были пластиковые окна, потом забор, затем — «девятку» поменяли на «Рено», гараж на четыре машины, шуба жене, теща по путевке съездила в Кисловодск — жадный Мишка не оплатил ей Дубай, а мог бы. Впереди был еще Гарвард для детей. Но Наташка решила, что не нанималась доводить их до ума. Хватит им ТГУ, но и это пусть сами стараются. Она — пас!..

Время шло, Пупырышевы богатели. Наталья так много усилий потратила на их процветание, что решила отпуск посвятить себе. Она отвлеклась ненадолго, а когда вернулась домой, то поразились переменам, которые произошли на улице: не было ни КАМАЗов, ни соседей.

Чужо неладное, она пошла к Николаю узнать, куда делся паразит?

— А у него теща померла, оставила две квартиры в центре города и деньги, которые копила «на смерть». На те деньги можно десять человек похоронить. Так Мишка сказал. И теперь они в новой квартире, а дом продали и расширили бизнес — купили еще один гараж. Когда переезжал, всем до свидания сказал и спасибо за то, что так долго терпели его. А тебе передал особенно кланяться.

— С чего бы это?! — удивилась Наташка.

— А я рассказал, кто ему помог разбогатеть, и предложил делать тебе отчисления от бизнеса.

— Ну, спасибо! — рассмеялась Наташка, — с первого же транша поставлю тебе магарыч за рекламу моих способностей.

На другой день ее разбудил ранний звонок в дверь — на пороге стоял Николай.

— Ты это... прости, что рано, но терпения не хватило. Я тебя и так целый месяц ждал.

— Да что случилось-то? — Наташка начала пугаться.

— Ты это самое... пожелай мне, чтобы у тещи сын квартиру купил. А вторым этапом, чтобы она потом к нему жить переехала. И еще, ты не пугайся, если к тебе Надежда Сергевна и Сергей Семеныч придут. Семеныч хочет в «Спортлото» выиграть, а Надежда Сергевна сама расскажет. У нее женский секрет, мне не доверила. Посодействуй по-соседски.

— Передай им, чтобы вставали в очередь. Сначала я себе мужа пожелаю. Если хотят, пусть ждут.

И Наташка захлопнула дверь.

После визита Николая она ненадолго задумалась, а не открыть ли ей малый бизнес под названием «Сила мысли»? Но передумала. Могут быть издержки с жертвами, а этого она не переживет. Хватит ей Мишкиной тещи.